

Проводив взглядом Чжао Цзи, которая прижимала к груди увесистый запас зимней поклажи и с чуть растерянным видом скрылась в конце переулка, Янь Дань тут же сбросил маску спокойствия и невозмутимости. Он тяжело вздохнул и потёр онемевшие от напускной твёрдости щеки.

Играть роли тоже оказалось делом утомительным.

Он развернулся, но уходить не спешил, а направился к небольшой лавке рядом с уездной канцелярией, где обычно отдыхали проезжие гонцы, а заодно подрабатывали перепиской бумаг.

Внутри лавки дремал сонный старый чиновник.

— Уважаемый, позвольте воспользоваться вашими кистью и тушью, хочу написать письмо домой, — Янь Дань достал несколько припасённых на чёрный день и отполированных до блеска мелких яньских монет-ножей и положил их на стол.

Старик приоткрыл осоловелые глаза, глянул на деньги, затем на грубую крестьянскую одежду Янь Даня, выдававшую в нём заложника, не стал задавать лишних вопросов и молча пододвинул простписьменные принадлежности вместе с обтёсанной тонкой деревянной дощечкой-муду.

Янь Дань взял кисть и на мгновение задумался.

Благодаря обрывкам воспоминаний, оставшимся от Цзи Даня, писать иероглифами государства Янь было не так уж сложно. Выводил строки он небыстро, да и почерк получался вполне аккуратным.

Содержание письма оказалось предельно простым: сообщить, что он жив и здоров, в Ханьдане уже наступила осень, зимнее продовольствие получено, всё в порядке, а наставнику не стоит беспокоиться.

Между строк сквозило не по возрасту зрелое спокойствие, а в самом конце приписывалось: «Прибудем к горе — найдем дорогу, доплывем до моста — перейдем, так что не тревожьтесь, учитель».

Янь Дань прекрасно понимал, что перед отправкой это письмо непременно «проверят» определенные люди в государстве Чжао. Но его это не волновало.

Он изначально не собирался передавать в послании никакой секретной информации; это письмо задумывалось скорее как жест, попытка успокоить Цзюй У и в какой-то мере попроситься с ним.

С тем самым старорежимным, но искренне радевшим за яньского наследного принца Даня наставником.

Судя по истории, Цзюй У, будучи престарелым сановником государства Янь, пользовался неплохой репутацией и в конце концов отдал все силы делу своей родины.

Только вот...

Янь Дань остановил кисть, глядя на еще не высохшие чернила на деревянной пластине, и его взгляд стал сложным.

Теперь он — Янь Дань, прибывший из будущего и знающий общие повороты истории.

Его цели и его путь неизбежно разойдутся с тем, чего ожидал Цзюй У, уповавший на верность государю, патриотизм и Вертикальный союз против Цинь.

Оставалось лишь надеяться... что в будущем ему не придётся встать по разные стороны баррикад с наставником, который искренне относился к прежнему Цзи Даню.

Он осторожно сдул чернила, передал дощечку старому чиновнику, расплатился и, глянув, как тот опускает послание в бамбуковый тубус для отправки, наконец повернулся и зашагал прочь.

По дороге обратно осенний ветер кружил опавшие листья, принося с собой прохладу.

Янь Дань плотнее запахнул тонкую одежду, и мысли его унеслись куда-то далеко.

Этот зимний сезон обещал выдаться совершенно не похожим на прежние.

Последующие дни словно подтверждали предчувствие Янь Даня.

То ли угроза возможного союза между Цинь и Янь возымела действие, то ли слухи о свирепости и решительности, проявленных Янь Данем в тот день при встрече с Чжао Сюем и остальными, разошлись по городу, но всю осень и зиму никто из отпрысков знатных семей Чжао больше не смел соваться к их заброшенному двору с дурными намерениями. Даже младшие чиновники, отвечавшие за охрану и доставку еды, стали держаться гораздо почтительнее — или, вернее сказать, опасливо.

Наступила редкая пора спокойствия.

Янь Дань почти все свои силы сосредоточил на двух вещах: во-первых, при любой возможности устраивать интимный контакт с Ин Чжэном, чтобы зарабатывать Очки, а затем выменивать

полезные вещи в Магазине системы, а во-вторых — всесторонне развивать своего кумира, Чжэн Гэ.

Утро отводилось под уроки культуры.

Он по крупицам скармливал Ин Чжэну те знания и идеи из будущего, что почерпнул из собственной головы, а также почерпнул из занятий с Цзюй У.

В ход шло всё: от философии Сто школ соперничают до географии и гидрографии, от идеалов государственного устройства до повседневной жизни простого народа.

Ин Чжэн впитывал информацию с поразительной быстротой, нередко проводя аналогии и задавая столь острые вопросы, над которыми самому Янь Даню приходилось поломать голову, прежде чем дать ответ.

После обеда начинался урок физкультуры.

Свободное пространство во дворе служило готовым плацем.

— Корпус держи устойчиво! Правильно, вот так, стойку мабу держи крепко!

— Удар должен быть мощным, задействуй поясницу и живот! Не только одними руками работай!

— Уворачивайся быстрее! Предвосхищай движения! Понимаешь, что значит предвосхищать? Угадай, куда он ударит в следующий момент!

Янь Дань без утайки передавал Ин Чжэну всё, что почерпнул из Подробного описания базового боевого искусства, купленного за пятьдесят Очков.

Он прекрасно понимал, что в эту смутную эпоху одной лишь головы мало, нужна еще и сила, способная защитить тебя самого.

Он больше не хотел видеть, как Ин Чжэна сбивают с ног и оставляют беспомощным.

Ин Чжэн проявлял к занятиям огромный интерес и железную волю.

Будучи от природы сообразительным и обладая стойким характером, он тренировался скрупулезно, выкладываясь даже сильнее, чем за книгами.

Нередко он повторял одно и то же движение по сто раз, отказываясь остановиться, пока

полностью не иссякнут силы. В этом хрупком детском теле словно крылись неиссякаемый боевой дух и непреклонная жесткость.

Янь Дань наблюдал за ним со смесью жалости и гордости.

Вот таким и подобает быть его кумиру!

Сильным и в науке, и в ратном деле!

Дзынь! Обнаружено, что Хозяин изо всех сил обучает Ядро источника энергии (Ин Чжэна) боевым навыкам, повышая его способность к самозащите. Физическая форма и уверенность в себе Ядра источника энергии возрастают одновременно. Награда: +18 Очков! Текущий баланс: 167 Очков!

Системное оповещение прозвучало слаще музыки, заставив Янь Даня взяться за обучение с еще большим энтузиазмом.

Погода холодала с каждым днем, дыхание превращалось в иней.

Двое полуподростков то и дело тренировались до седьмого пота, и над холодным двором поднимались клубы белого пара.

Во время отдыха Янь Дань доставал две молочные конфеты, делил их с Ин Чжэном и они вместе грелись на солнышке, прислонившись к глинобитной стене.

Глядя на пасмурное небо Ханьдани вдаль и изредка проходивших мимо измождённых простолюдинов-жителей Чжао, Янь Дань как бы невзначай заводил разговор:

— Посмотри на них, А Чжэн. Как бы ни бушевали войны, тяжелее всего всегда приходится вот таким обычным людям.

Ин Чжэн прослеживал взглядом направление его слов, молча всматриваясь глубокими черными глазами.

— Если бы у нас была сила, — голос Янь Даня звучал тихо, но наполнялся странной силой, — положить конец всем войнам, позволить каждому жить в мире и достатке, не зная страха и тревог, не покидая родных мест и не отправляя собственных детей заложниками в чужие земли, где их будут третировать... Разве это не было бы прекрасным?

Он поворачивал голову к Ин Чжэну, глядя на него с абсолютной серьезностью:

— Лишь когда Поднебесная объединится, повозки станут одной ширины колеи, письма будут едиными для всех, а нравы приведут к общему знаменателю, когда установятся единые и правильные правила, которым будут подчиняться все до единого — лишь тогда появится шанс достичь подлинного и долговечного мира.

— Объединение... — негромко повторял Ин Чжэн это слово, его маленькие ладошки медленно сжимались в кулаки, а молочная конфета в зажатой руке словно перенимала тепло его тела.

Янь Дань повторял это слово далеко не впервые, и с каждым разом оно оставляло всё более глубокий след в его душе.

Это перестало быть далёким и абстрактным понятием, тесно переплелось со всеми увиденными ими невзгодами и с их собственным унижительным положением.

Остановить междоусобицы, принести мир.

Больше никаких заложников, никаких издевательств.

Обладать мощью, достаточной для защиты себя и тех, кого хочешь уберечь.

Эти мысли, подобно семенам, при ежедневном поливе Янь Данем незаметно проросли и пускали корни в самом сердце Ин Чжэна.

Зима выдалась суровой.

Ветхий дом продувался всеми ветрами, еда была грубой и скудной.

Но в сердцах двух прижавшихся друг к другу и поддерживающих друг друга детей горел разгорающийся всё ярче огонь.

Огонь по имени Надежда и Будущее.

<http://bllate.org/book/18665/1800140>